

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-2-267-273

УДК 821.161.1

АВТОРСКАЯ НРАВСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ В РОМАНЕ Г. ВЛАДИМОВА «ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ»

А.В. Чистяков, А.В. Денисенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается позиция автора Г. Владимова в его романе «Генерал и его армия». Здесь он выходит на очень высокий уровень художественного осмысления жизни. Он хочет понять, на чем она (жизнь) стоит, что движет людьми, в чем причина побед и поражений и почему победа может оборачиваться поражением и наоборот. Автора романа интересуют вопросы общечеловеческого, исторического характера. Ориентация автора романа на народное мировосприятие находит выражение и на ином — собственно-эстетическом уровне. На протяжении всего повествования Владимов верен давно сформулированному им принципу: «Первосортная литература, когда не видишь, как это написано, а видишь, что происходит за строчками, о чем написано». Добиваясь изобразительной силы, писатель избегает иллюстративности, авторитарности стиля. Подключение не только к литературной, но и к фольклорной, мифологической традиции в романе Владимова раздвигает рамки непосредственного изображения. Не отступая от правды факта, писатель в то же время стремится уловить линии развития, которые подчеркиваются не непосредственными участниками событий — как бы велика ни была их власть над этими событиями, — а самой жизнью, находящей воплощение и в историческом движении, и в судьбах отдельных людей.

Ключевые слова: осмысление жизни, победа, поражение, армия, историческое движение, силы народа, мифопоэтическая традиция

В романе «Генерал и его армия» Владимов выходил на иной, гораздо более высокий, нежели политический, уровень художественного осмысления жизни. Он хотел понять, на чем она стоит, что движет людьми, в чем причина побед и поражений и почему победа может оборачиваться поражением и наоборот. Автора романа «Генерал и его армия» интересовали вопросы общечеловеческого, исторического, а не сиюминутного политического характера.

Говоря о нравственной позиции автора романа, необходимо обратить внимание на одну — лишь промелькнувшую — деталь: несмотря на ультиматум командующего фронтом Ватутина, командующий 38-й армией не делает ничего по составлению плана взятия города Мырятина, «решив бесповоротно не прикладывать рук к делу, которому противилась душа». Человек военный живет, сообразуясь не с требованиями души, а с приказами вышестоящих. Но Владимову дорого в его герое именно это желание жить в согласии со своей душой, довериться ей. Чем это может грозить генералу Кобрисову, он и сам знает очень хорошо, но иначе не может. И еще одна выразительная черточка: «...В те промежутки времени, когда

генерала не тревожили, он читал Вольтера». И больше всего в присланном женой «Кандиде» ему понравилась венчающая книгу фраза — «Нужно возделывать свой сад».

Верность самому себе, своему делу, своему предназначению оказывается для Кобрисова превыше всего. И здесь опять уместно вспомнить о «Войне и мире» — о Кутузове и его отношении к судьбе. Владимов вводит в текст романа имя Вольтера, а не Толстого, однако тут важнее не именной знак, но отчетливо выраженная вера в силу судьбы, восходящая к народу, а уже затем — к усваивавшим эту веру писателям.

Ориентация автора романа именно на народное мировосприятие находит выражение и на ином — собственно-эстетическом — уровне. На протяжении всего повествования Владимов верен давно уж сформулированному им принципу: «Первосортная литература, когда не видишь, как это написано, а видишь, что происходит за строчками, о чем написано» [2]. Добиваясь изобразительной силы, писатель избегает иллюстративности, авторитарности стиля. Он нигде не прибегает к сказу, для которого характерна гибкость интонации, присущая разговорному языку, индивидуальность фразеологии, которая свойственна герою сказа. Владимов предпочитает создавать ощущение достоверности иначе, максимально сближая авторскую речь с речью персонажа. Особенно охотно и часто прибегает писатель к несобственно прямой речи, позволяющей передать ощущение собственной причастности к происходящему, к реакции на события персонажей. Автор буквально «перевоплощается» в своих персонажах, воспроизводя ход мысли Гудериана, настойчиво пытающегося понять, почему на этот раз удача изменила ему и всей немецкой армии. Речь персонажа, переведенная в третье лицо, уже как бы отделяется от него, здесь уже ощущается и позиция самого автора, его оценка заложена в текст, хотя и не выражена впрямую. Гудериан, понимая смысл слов Наташи Ростовской из романа-эпопеи Л.Н.Толстого, «снисходительно отнесся к тому, что там еще говорится при этом: “Разве же мы немцы какие-нибудь?..” Что же, у немцев сложился веками иной принцип: армия сражается, народ работает, больше от него никогда ничего не требовалось. Вот что было любопытно: этот поступок сумасбродной графинечки предвидел ли старик Кутузов, когда соглашался принять сражение при Бородине? Предвидел ли безропотное оставление русскими Москвы, партизанские рейды Платова и Давыдова, инициативу старостихи Василисы? Если так, то Бонапарт проиграл, еще и не начав сражения, он понапрасну растратил силы, поддавшись на азиатскую приманку “старой лисицы Севера”, поскольку в резерве Кутузова оставались главные русские преимущества — гигантские пространства России, способность ее народа безропотно — и без жалости — пожертвовать всем, не посчитаться ни с каким количеством жизней». Здесь уже строй фразы, где сталкиваются разные мнения и взгляды, служит передаче острой конфликтности повествования: приближаясь к пониманию смысла наступающего его поражения, мудрый Гудериан вместе с тем не может постичь истину, скатываясь к стереотипам, снисходительно судя о возможностях нравственной силы народа, с такой силой сказавшейся в «поступке сумасбродной графинечки». Иначе строится авторская речь там, где появляется генерал Кобрисов. Гудериан явно проигрывает в сравнении с ним, но не потому,

что немецкий генерал куда глупее — просто он полагается лишь на силу разума, а Кобрисову открывается и нечто иное, лежащее за пределами логики. Гудериану, как верно заметил В. Кардин, свойственно «солдафонски-тоталитарное представление о нравственности, отрицающее самоценность человеческой жизни...». Гудериан не знает своей вины перед собственным народом. Кобрисову самоуспокоение не дано. Он пребывает внутри заколдованного круга, где можно быть либо палачом, либо жертвой. Иногда и тем и другим почти одновременно [3]. Вызванный в Москву Кобрисов со своими спутниками делает привал на окраине столицы, у Поклонной горы: «Запомнят ли они этот час? Понимают ли, поймут ли когда-нибудь, зачем он выкроил этот привал, ведь другого случая побыть им вместе вчетвером, может быть, не представится?» Но именно здесь застает приказ Верховного, в котором сообщается о победе, одержанной войсками, в состав которых входит и армия Кобрисова. И расстеленная на земле скатерть превращается в скатерть-самобранку для тех, кто случайно оказался рядом и вместе с фронтовиками поднимает чарку за победу. Только вопреки всему Кобрисову «там грустно стало, почти невыносимо душе»: «Почему все так поздно к нам приходит, так безнадежно поздно!». Радость при известии о победе, чувство вины перед сложившимися головами «ореликами», наконец, горестное размышление о собственной судьбе — все сливается воедино в пределах одной фразы.

Еще более отчетливо голоса автора и персонажа сливаются при появлении на страницах романа Шестерикова. Вот генерал Кобрисов, впервые встретив этого солдата, который, выполняя приказ старшины, нес с кухни щи и кашу, приказывает ему сопровождать его, генерала, на боевые позиции. Шестериков понимает, что сейчас круто изменяется его судьба. «С крупного шага история перешла на рысь. Но не таков был Шестериков, чтоб еще пехахтаться до этого старшины, будь он неладен со своей хворобой, однако и вылить обед в снег он тоже бы не смог, заскочив за угол в проулок, он малость отхлебал из котелка через край, ссыпал в рот горсточку три каши, отлепил полгорбушки хлеба и положил за пазуху, чтоб не обмерзла». Уже начало этой фразы позволяет ощутить, как в речь повествователя вторгается персонаж со своим кругозором, своей лексикой. Это вторжение, смешение лексических пластов, усиливается дальше, когда зона присутствия персонажа в рассказе о нем все расширяется введением именно ему принадлежащих лексических средств. И так будет всякий раз, когда заходит речь о Шестерикове: отношение автора романа к этому персонажу обнаруживается уже на уровне словесного строя. «Жизнь Шестерикова при генерале была сравнительно теплая и сытая, хоть и погибнуть случаи выпадали. Но ведь оттого и смысл был высокий в этой жизни, и ценилась она не за тепло и сытость, а именно за высокий ее смысл. По твердому Шестерикова убеждению, никто б на его месте не стоил того, что он сам, и сам бы он на другом месте стоил бы втрое меньше».

Не случайно именно с Шестериковым прежде всего связана столь важная для понимания смысла романа Владимова фольклорная, т.е. собственно народная — струя. Шестериков входит в состав тех трех (как в народной сказке) персонажей, что на протяжении романа сопровождают генерала. Шестериков под мостом (опять вспомним о сказке) спасается с генералом от смерти. Шестериков оказывается рядом с генералом, когда тот, оказавшись на распутье, выбирает дорогу,

которая (и вновь — фольклорный мотив) едва не оказалась для него смертельной. Этот ряд можно продолжить. Это Шестериков разглядел в жене генерала Майе Афанасьевне писаную красавицу, взявшую лицом и фигурой, «у которой, как говорится, где надо — выпукло, где не надо — убрано заподлицо». Наконец, совсем как в сказке, Шестериков, выполняя прихоть выздоравливающего после ранения генерала, приводит ему в московскую больницу коня да и еще одного всадника нашел, и вот они втроем (опять эта магическая цифра три) проскакали «аллюром чуть не по всей улице Горького — от Белорусского вокзала до Моссосвета...».

В романе о войне основной конфликт, лежащий в основании сюжета, определяется не столкновением двух армий, представляющих два разных строя (может быть, точнее — режима), а столкновением разных нравственных позиций, разных философий. Шестериков, отстреливаясь от немцев, ранивших генерала, да и ему угрожавших смертью, испытывает лишь чувство тоски: «...С этими немцами не разойтись по-хорошему. Бывало, когда солдаты с солдатами встречались на равных, удавалось без перестрелки разойтись — какому умному воевать охота?» Генералы, строя планы наступления, видят перед собой не живых людей, а противника. Слово «ненависть», кажется лишь однажды встретится в романе: это чувство испытывает Шестериков по отношению к Светлоокову — воплощению злой силы, которая не дает человеку жить на земле по-своему, плодами своего труда. Нечто похожее придет в голову и генералу Кобрисову, знающему, что под Мырятином «русская кровь пролилась с обеих сторон», но надевшие вражеский мундир не правы, подняв оружие против неповинных, «потому что истинные их обидчики не имели обыкновения ходить в штыковые атаки». Вот до чего додумывается генерал Кобрисов, который, повторим, ближе других к солдатам, к народу. И тут опять возникает имя Светлоокова: Шестериков ничего не сказал ему о генерале, но и генералу не рассказал об этом разговоре, мучаясь от этого: «Какую позицию сдал? Кого прощал?» А Кобрисова это невольное предательство «попавшего в сети матерого, закаленного “смершевца” ординарца мучит: “Что же мы за народ такой”, подумал генерал. И злые слова шли на язык: “Кому ж ты доложишь, как я себя вел? Твой-то майор Светлооков — где он теперь?”».

Прав Л. Аннинский, отмечая свойственный Владимову нравственный максимализм: «Этот его максимализм, этот кодекс чести (рыцарский, воинский, офицерский, мужской, юношеский, мальчишеский — как угодно) выделил когда-то Владимова из поколения склонных к либеральной терпимости шестидесятников, а потом выделил вообще из литературы его времени, склонной опираться человека на что-то вне его (“среда”, “почва”, “народ”). Владимов всегда говорил — плати сам. В этом его уникальность» [4].

Подключение не только к литературной, но и к фольклорной, мифопоэтической традиции в романе Владимова раздвигает рамки непосредственного изображения. Не отступая от правды факта, писатель в то же время стремится уловить линии развития, которые прочерчиваются не непосредственными участниками событий — как бы велика ни была их власть над этими событиями, — а самой жизнью, находящей воплощение и в историческом движении, и в судьбах от-

дельных людей. Генерал Кобрисов, принимая решение об отступлении, которое «казалось ему здравым и единственно возможным», в то же время чувствует себя во власти какой-то иной, высшей силы: «Совершая свой поступок — может быть, высший в его жизни — он чувствовал нечто похожее на смертное равнодушие бегуна, которому вдруг безразличными показались все почести, ожидавшие его на финише, и ничтожным, бессмысленным — азарт начала бега». Иной вариант власти над человеческой судьбой силы, которая неподвластна обычной житейской логике, обнаруживается в неожиданном решении, которое принимает, попавший в опалу, отстраненный от командования армией Кобрисов, — решение, которое его адъютант Донской расценивает как «генеральскую дурь... высокого свойства»: не заезжая в Москву в вызвавшую его Ставку, возвратиться к своей армии. Вопреки всему Кобрисов не побежден — он одержал победу.

Правда, Кобрисов и здесь привычно персонифицирует причину, так резко переломившую его судьбу: «Наверное, есть, думал генерал, еще какая-то справедливость, другая, которой он не постиг, а постиг Верховный. Он-то лучше всех изучил, что нужно этому народу». Но примечательно, что раньше, чем прозвучат эти слова, возникает многозначительная картинка: в Спасо-Песковцах, где проводится совещание командующих перед решающим наступлением, «центром площади был круглый насыпной цветник, на нем сохранился изгрызенный осколками пьедестал “под серый мрамор”, из которого росли ноги с ботинками и штанинами. Сам гипсовый вождь, крашенный в серебрянку, лежал ничком в высоком бурьяне, откинув сломанную указующую руку». Это — зарисовка с натуры и одновременно — знак, связывающий настоящее (военное время) с будущим, вносящий определенные коррективы в рассуждения генерала Кобрисова.

История пронизывает повествование. Уже в первых строках романа, где речь идет о генерале, отстраненном от командования армией и направляющемся в Москву, его вилицис будет назван не только «королем дорог», но и «колесницей нашей Победы».

Попытка осмысления происходящего в свете истинно народных представлений о нравственных ценностях отличает повествовательную манеру автора романа. Пожалуй, никогда ранее Владимов не стремился с такой настойчивостью утвердить собственно народную точку зрения на ход событий и их участников. Это особенно отчетливо сказывается в характеристике и судьбах персонажей романа: от Гудериана и Власова до Кобрисова и Шестерикова.

Не все в романе поддается расшифровке с помощью элементарной логики. Есть некая недоговоренность в повествовании о генерале Кобрисове. Недаром и в момент конечного — в сюжетных рамках романа — торжества его не оставляет мысль: «Почему все так поздно к нам приходит, так безнадежно поздно! Хоть бы и вернули его на армию — разве сам он останется тем же? Непоправимо какое-то зло и не оставляет нас прежними». Важнейшая черта писательского дарования Владимова — стремление услышать задаваемые временем вопросы, на которые оно (время) еще не в состоянии дать ответы. Не торопится с этими выводами и автор романа «Генерал и его армия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Владимов Г.Н.* Генерал и его армия // Знамя. 1994. № 4, 5. С. 5—165; С. 4—179.
- [2] *Владимов Г.Н.* Писатель, герой, молодежь // Московский комсомолец. 1964. 11 декабря.
- [3] *Кардин В.* Страницы другой войны // Московские новости. 1994. 19—26 июня. С. 2.
- [4] *Аннинский Л.* Спасти Россию ценой России // Новый мир. 1994. № 10. С. 218.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 февраля 2017

Дата принятия к печати: 2 апреля 2017

Для цитирования:

Чистяков А.В., Денисенко А.В. Авторская нравственная позиция в романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2017. Т. 22. № 2. С. 267—273.

Сведения об авторах:

Чистяков Александр Валерианович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: literature1@mail.ru

Денисенко Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: literature1@mail.ru

THE ETHIC POSITION OF THE AUTHOR IN THE NOVEL BY G. VLADIMOV “THE GENERAL AND HIS ARMY”

A.V. Chistyakov, A.V. Denisenko

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str, 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the author's position in Vladimov's novel “The General and His Army”, the writer reaches a very high level of artistic evaluation of life, He wants to know the basics of life, to understand the motives of people, what are the reasons for victories and defeats?. Why can a victory turn into a defeat and vice versa? The author is interested in historical problems common to humanity. The writer's commitment to grass-roots mentality is also manifested on another level that is the moral level as such. Throughout the book Vladimov adheres to the principle which he formulated long ago — the first class literature presupposes not the way it is written in but implies the deep meaning behind the words. Striving after the imaginative force, the writer avoids exemplification and authoritarian style. Using not only the literary tradition but also the folklore and mythological methods Vladimov expands the horizons of the narration. The writer sticks to the facts but at the same time he tries to perceive the lines of development that are demonstrated not by the participants of the events — no matter how great their role in those events might be — but by the life itself which is in the historical course as well as in the destinies of individuals.

Key words: life reflection, victory, defeat, army, historical process, nation force, morphoepictraition

REFERENCES

- [1] Vladimov G.N. General i ego armiya // *Znamya*. 1994. № 4, 5. S. 5–165; S. 4–179.
- [2] Vladimov G. Pisatel, geroy, molodyezh // *Moskovskiy komsomolets*. 1964. December, 11.
- [3] Kardin V. Stranitsy drugoy voyny // *Moskovskie novosti*. 1994. 19–26 June. P. 2.
- [4] Anninskiy L. Spasti Rossiyu tsenoy Rossii // *Novyimir*. 1994. № 10. P. 218.

Article history:

Received: 10 February 2017

Revised: 1 March 2017

Accepted: 2 April 2017

For citation:

Chistyakov A.V., Denisenko A.V. (2017) The ethic position of the author in the novel by G. Vladimov “The general and his army”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (2), 267–273.

Bio Note:

Chistyakov Alexander Valerianovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University.

Contacts: e-mail: literatura1@mail.ru

Denisenko Anastasiya Vladimirovna, Candidant of Filology, Associate Pofessor, Department of Russian Language, RUDN University.

Contacts: e-mail: literatura1@mail.ru